

ТЕМА НОМЕРА

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И ПЛАНИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.3

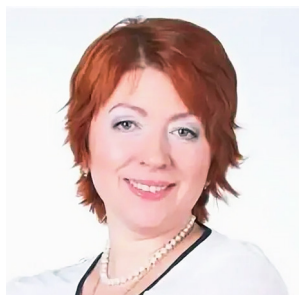
EDN: RWHJSE

Жизненные стратегии студенческой молодежи Екатеринбурга как отражение кризиса социального контракта

Ссылка для цитирования: Зайцева Е. В., Бритвина И. Б. Жизненные стратегии студенческой молодежи Екатеринбурга как отражение кризиса социального контракта // *Вестник Института социологии*. 2026. Том 17. № 3. С. 40–61. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.3; EDN: RWHJSE.

For citation: Zaitseva E. V., Britvina I. B. Life strategies of university students in Yekaterinburg as a reflection of a crisis in the social contract. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 40–61. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.3; EDN: RWHJSE.

Зайцева Екатерина Васильевна¹

¹Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

e.v.zaitceva@urfu.ru

SPIN-код: 8618-6729

Бритвина Ирина Борисовна¹

¹Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

irina.britvina@urfu.ru

SPIN-код: 8650-6509

Аннотация. В статье обсуждается кризис субъектности студенческой молодежи в условиях трансформации социального контракта. Актуальность работы обусловлена нарастающим разрывом между патерналистскими ожиданиями студентов и институциональной дисфункцией, провоцирующей кризис субъектности будущих выпускников вузов одного из главных экономических и культурных центров страны – города Екатеринбурга. Цель исследования – определить, как в условиях институциональной неопределенности и геополитических рисков трансформируются жизненные стратегии учащейся молодежи (миграция, латентная адаптация, «верность» системе). Теоретический каркас исследования составили: концепция относительной депривации Р. Мертон и Т. Гарра, модель адаптивного поведения А. Хиршмана (EVLN) и теория институционального доверия П. Штомпки. В качестве эмпирической базы использовались данные социологического опроса студентов ($n = 1188$, 2025 г.). В ходе анализа была выявлена стратегия «латентной адаптации», или отложенного действия, свойственная значительной доле неопределившихся молодых людей. Полученные результаты позволяют утверждать, что разрыв между патерналистскими ожиданиями молодежи и институциональными возможностями вызван рассогласованием инерционных традиций социализации и современной рыночной среды, а не исключительно институциональной дисфункцией. В таких условиях «верность» системе трансформируется из ценностной установки в кризис инструментальной рациональности: при невозможности реализовать легальные каналы влияния («голос») молодежь выбирает стратегии «выхода» или «латентной адаптации». Научная новизна работы заключается в дифференциации эндогенных (правоприменение, коррупция) и экзогенных рисков, влияющих на горизонт планирования молодых специалистов. В заключении делается вывод о том, что восстановление доверия требует не увеличения числа формальных программ, а снижения эндогенной неопределенности институциональной среды.

Ключевые слова: молодежь, социальный контракт, патерналистские ожидания, жизненные стратегии, инструментальная рациональность, эндогенная и экзогенная неопределенность, миграционные установки

Введение

Метафора «социального контракта» между государством и студенческой молодежью позволяет зафиксировать системный кризис взаимных ожиданий, наблюдаемый в современной России. В отличие от современной трактовки макросоциологического «общественного договора», предложенной Ж. Т. Тощенко [23], данный конструкт рассматривается нами не как формализованный акт, а как система негласных ожиданий, где лояльность обменивается на гарантии «старта». Согласно теории относительной депривации социальное недовольство порождается не столько абсолютной бедностью, сколько разрывом между ценностными ожиданиями (субъективными представлениями о должном уровне жизни и справедливости) и невозможностью их реализовать в рамках существующей институциональной среды [14; 7]. Как следствие, возникает насущная задача оценить, насколько этот разрыв становится сегодня критическим для молодежи, превращая «мечту» о стабильном будущем в источник отчуждения.

Ситуация усугубляется дефицитом институционального доверия, который, согласно концепции П. Штомпки [26], лишает взаимодействия власти и гражданина прозрачности. Соответственно, когда государство приобретает в глазах своих граждан образ непредсказуемого арбитра, оно теряет статус надежного партнера по социальному контракту. В этом случае гражданам, включая молодежь, приходится искать альтернативные способы защитить свое будущее.

В данной статье мы переосмысливаем модель «выхода, голоса и верности» А. Хиршмана [24] в контексте российской специфики. Эвристическая ценность этой модели для нашего исследования заключается в ее способности операционализировать поведенческие стратегии акторов в условиях институционального стресса. В отличие от классических интерпретаций, где «выход» – это пассивный уход, мы предлагаем рассматривать трудовую и образовательную эмиграцию как косвенную форму реализации личной субъектности (агентности). Когда легальные каналы для артикуляции интересов («голос») заблокированы или сопряжены с высокими рисками, выбор в пользу (э)миграции становится рациональным политическим решением. Это осознанный поступок актора, стремящегося защитить свой горизонт планирования там, где среда не предлагает инструментов для реализации человеческого потенциала.

В статье обосновывается тезис о том, что для современной российской молодежи эмиграция – это не деполитизация, а вынужденная активная форма отстаивания своих прав на будущее. Наша цель – показать, как жизненные стратегии смещаются от «верности» [24] к поиску альтернативных пространств, и почему попытки государства использовать идеологические инструменты вместо прагматических лишь усугубляют ситуацию с разрывом социального контракта.

Теоретические основания анализа вовлеченности государства в жизненные стратегии молодежи

Механизм «разбитых мечтаний» как следствие разрыва социального контракта. Теория относительной депривации Р. Мертона и Т. Гарра [14; 7], фиксирующая разрыв между притязаниями и ресурсами, несмотря на сохраняемый ею эвристический потенциал, сегодня все же нуждается в определенном переосмыслении. Так, феномен «разбитых мечтаний» следует рассматривать не как частное психологическое разочарование, а как системный результат **разрыва социального контракта**. В контексте нашего исследования этот контракт выступает не формально-юридическим актом, а социологической метафорой, описывающей укоренившуюся в общественном сознании систему взаимных экспектаций. Эмпирическим основанием для применения данного конструкта служат устойчивые нормативные установки учащейся молодежи, зафиксированные в том числе в ходе опроса. В соответствии с ними, молодые люди,

инвестируя свои ресурсы (усилия в получение образования, законопослушность, конвенциональное поведение), ожидают получить в обмен на это встречные гарантии «социального старта». Однако, если государство, декларируя на словах поддержку, на деле не обеспечивает функционирование прозрачных социальных лифтов, возникает ситуация институционального вакуума, провоцирующая депривацию [14].

Как отмечает Р. В. Парма, относительная депривация основывается на «воспринимаемом несоответствии между тем, что “есть”, и тем, что “должно быть”» [18, с. 118]. Ключевым моментом здесь является то, что недовольство молодежи проистекает из сравнения своего реального положения не с абсолютной бедностью, а с субъективными ожиданиями от «институционального партнера» – государства. Это подтверждается тезисом о том, что «коллективное разочарование является результатом неспособности соответствовать субъективным, а не объективным стандартам» [18, с. 118]. В рамках нашего исследования описанный паттерн находит четкое эмпирическое подтверждение. Несмотря на относительно высокий уровень жизни в таком крупном экономическом центре, как Екатеринбург, выпускники вузов демонстрируют острую относительную депривацию. Полученные нами данные показывают, что подавляющее большинство опрошенных (78,9%) артикулирует патерналистский запрос на обеспечение доступным жильем в качестве обязательного условия «социального старта». Однако при столкновении с реальностью, когда 48,1% молодых специалистов сообщают о низкой стартовой оплате труда как факторе «выталкивания», возникает острый конфликт. Таким образом, фрустрация молодежи вызвана не угрозой базовому выживанию, а крушением медийно и социально сформированного образа гарантированного успешного будущего.

Феномен «разбитых мечтаний» наиболее ярко проявляется в межпоколенческом разрезе. А. Ю. Арестов, исследуя поколения Y и Z, показал, что молодежь сталкивается с «институциональным барьером взросления»: достижение стандартов автономности (накопление сбережений и наличие собственного жилья) становится для них значительно более сложной задачей, чем для предыдущих поколений [2, с. 40]. Это создает эффект «отложенной жизни». Падение качества жизни на фоне высоких ожиданий провоцирует «крупномасштабную ревизию политических ценностей» [2, с. 38], превращая социальное разочарование в фактор институционального риска.

Вовлеченность государства в этот процесс оценивается молодежью преимущественно негативно. Согласно результатам ивент-анализа, проведенного А. С. Огневым и др., катализаторами недовольства выступают именно те сферы, за которые несет ответственность власть: социальная защита, городская инфраструктура, стабильность рынка труда. Депривация подпитывается убежденностью граждан в том, что власти «не создали условий для материального процветания» [16, с. 99], и в условиях цифровой среды ситуация в целом радикализируется еще больше вследствие вирусного распространения контента о социально-экономических провалах [17, с. 57].

Разрыв между патерналистскими ожиданиями, сформированными главным образом в ходе первичной социализации в семье и буквальным восприятием официальной риторики о социальном государстве, с одной стороны, и реальностью, с другой, приводит к состоянию «тотального разочарования». Обсуждая результаты исследования 2021 г., нацеленного на выявление мотивов участия российской молодежи в несанкционированных акциях, А. А. Войник и М. Р. Снегур указывают, что поляризация и маргинализация гражданского участия некоторых групп во многом вызваны признанием легальных форм коммуникации с государством как неэффективных [6, с. 272]. Когда институциональные каналы «голоса» не работают, молодежь начинает воспринимать любые формы самовыражения как протестные, поскольку «государство наступает на их важнейшие потребности» [12, с. 38]. Поэтому депривация – это не просто недовольство экономикой, это системный кризис ожиданий, психологическая основа для отчуждения и поиска неконвенциональных путей реализации жизненных стратегий.

Модель А. Хиршмана как рамка для понимания агентности. В контексте изучения миграционных планов классическая модель А. Хиршмана («выход (*exit*) – голос (*vois*) – верность (*loyalty*)», EVL), описывающая стратегии поведения индивида в ответ на ухудшение качества институтов, имеет фундаментальное значение [24]. В условиях социально-экономической неопределенности эти стратегии перестают быть линейными.

В рамках нашего исследования эмиграция понимается не как «бегство», а как стратегия реализации индивидуальной субъектности, обусловленная снижением эффективности каналов институциональной коммуникации. Согласно подходу А. Хиршмана, выбор опции «выход» становится рациональной альтернативой в условиях, когда издержки использования каналов «голоса» превышают ожидаемую пользу от трансляции запросов к институтам. Как отмечают М. С. Константинов и С. П. Поцелуев, «атрофия дешевых и эффективных каналов для выражения недовольства повышает вероятность выбора опции “выход”» [11, с. 43]. Соответственно, эмиграция здесь предстает не как акт деполитизации, а как реактивная стратегия защиты жизненных планов индивида в ситуации, когда субъект фиксирует невостребованность своих интересов со стороны институциональной среды.

Эту мысль развивают М. Кутлай и З. Онис, подчеркивая, что в политических системах с ограниченным публичным пространством издержки стратегии «голоса» возрастают. Конкретно это выражается в институциональной фильтрации запросов элиты и молодежи: их интересы систематически не попадают в повестку дня, а попытки артикуляции сопряжены с репутационными и административными рисками. В таких условиях эмиграция становится рациональной стратегией защиты личного горизонта планирования, поскольку цена диалога с государством оказывается непропорционально высокой [29, с. 385].

Противоположной эмиграции («выходу») стратегией является попытка изменить ситуацию изнутри («голос»). Л. Е. Бляхер и А. В. Ковалевский, анализируя кейс Хабаровска, интерпретировали переход к активному «голосу» как восстановление политической субъектности: когда государство игнорирует интересы граждан, протест становится инструментом защиты идентичности [3, с. 109, 126]. Сходные процессы описала М. А. Давыдова, отметив при этом способность цифровых медиа быстро конвертировать скрытое недовольство в открытый «голос» [9, с. 156].

Ряд современных исследований, в том числе С. В. Расторгуева [20], посвященное поколению Z, позволяют говорить о расширении модели Хиршмана до формата EVLN («голос», «выход», «верность», «латентная адаптация» (*neglect*)). Так, для поколения Z опция «выхода» часто ограничена, что заставляет его представителей выбирать альтернативу в виде «латентной адаптации». Это не пассивное бездействие, а стратегия «отложенного действия»: человек остается внутри системы, внешне сохраняя лояльность, но внутренне реализовывая психологический разрыв.

Эмпирически данная стратегия фиксируется через устойчивый разрыв между миграционными установками (настроениями) и реальными практическими действиями. Как отмечают Н. С. Чернышева и Юйсинь Чжан, в российской молодежной среде миграционные намерения часто носят декларативный характер и не всегда трансформируются в реальное миграционное поведение, так как его реализация сопряжена с высокими издержками [25]. В этой ситуации «латентная адаптация» проявляется в том, что человек, сохраняя формальную включенность в институты, прекращает качественное воспроизводство их норм и переходит к стратегии «отложенного действия», при которой горизонт планирования жизни оказывается институционально отчужденным от среды текущего пребывания [27].

Таким образом, модель А. Хиршмана в современных исследованиях трансформируется в многомерную матрицу стратегий. Эмиграция сегодня интерпретируется как «выход» в условиях, когда каналы «голоса» заблокированы. Игнорирование ожиданий молодежи со стороны государства провоцирует либо «утечку мозгов» (внешний «выход»), либо внутреннюю (психологическую) эмиграцию и отчуждение («латентную адаптацию»), что в долгосрочной перспективе чревато истощением регионального человеческого капитала.

Материальная и нематериальная коррупция как фактор институциональной дисфункции. Уровень институционального доверия – фундаментальный фактор, определяющий вовлеченность государства. В рамках концепции П. Штомпки доверие – это «продукт истории», опирающийся на прозрачность институтов и нормативную ответственность власти [25], а в контексте нашего исследования это уверенность студентов в том, что действия государства соответствуют их ожиданиям [19, с. 142].

Фундаментом доверия выступает институциональная подотчетность власти перед обществом, пусть даже мнимая, а не реальная. И наоборот, разделяемое молодежью представление о некомпетентности чиновников, часто транслируемое через медиасреду, становится первичной причиной

недоверия власти [8, с. 29]. В условиях неэффективности институтов формируется «культура цинизма» и аномия, блокирующая созидательные инициативы [8, с. 31]. Особое место среди факторов подрыва моделей доверия занимает коррупция [5, с. 55]. В рамках нашего исследования целесообразно операционализировать это понятие, разделив материальную и нематериальную коррупцию. Если первая является транзакционным обменом с использованием финансовых средств (взятки, откаты), то вторая носит социальный характер и выражается в практиках nepотизма, фаворитизма и использовании теневого социального капитала («блата») для получения карьерных или статусных преимуществ. И. А. Юрасов с соавторами раскрыл парадоксальный характер связи социального доверия и коррупции: при дефиците официального доверия оно «перетекает» в неформальные сферы. Коррупция становится формой «горизонтальной самоорганизации», которая временно снимает разрыв между обещаниями элиты и реальностью, но при этом делает невозможным развитие легальных институтов [27, с. 734]. Коррупционные связи в «мы-группах» фактически подменяют собой государственные гарантии, что ведет к атомизации общества [там же, с. 749].

Для молодежи это означает утрату горизонта планирования. Люди, ориентированные на успех через собственные компетенции, сталкиваются со скептицизмом, если в обществе ценность «силы» доминирует над законом [22, с. 96]. В условиях цифровизации новые экономические практики дополнительно снижают подотчетность институтов [13, с. 108]. Дефицит доверия становится катализатором дезинтеграции. Как отмечает В. А. Смирнов, информационное воздействие, направленное на дискредитацию институтов, оказывается эффективно именно там, где реальный опыт взаимодействия с властью сопряжен с несправедливостью [21, с. 337].

Итак, центральной проблемой является разрыв между патерналистскими ожиданиями студентов и институциональными возможностями. Важно подчеркнуть, что данный разрыв не является следствием односторонней «неэффективности» государства. Патерналистские ожидания формируются под воздействием длительной институциональной традиции, в рамках которой государство исторически выступало гарантом базовых жизненных траекторий: образование – трудоустройство – жилье. Указанная традиция продолжает воспроизводиться через семейные нарративы и до сих пор сохраняется в массовом сознании, хотя объективные условия (рыночная экономика, сокращение социальных обязательств) давно сделали ее нереализуемой. Одновременно с этим молодежь, ориентированная на высокие стандарты самореализации, сталкивается с «организованной безответственностью» институтов – ситуацией, при которой ответственность за жизненный успех делегируется самому человеку, а институциональные механизмы, могущие способствовать ему на пути к успеху, остаются неразвитыми. На основании вышесказанного можно заключить, что разрыв порожден несовпадением темпов изменения ожиданий и институциональной среды: первые инерционны и были унаследованы

от предшествующих поколений, тогда как вторые уже успели трансформироваться в сторону либеральной модели, не предоставив молодым людям адекватных компенсаторных механизмов.

Тезис о том, что коррупция подрывает доверие, делая долгосрочное планирование внутри страны затруднительным, вполне согласуется с концепцией П. Штомпки. В результате легальные формы коммуникации с властью начинают восприниматься как имитационные, а цифровая медиасреда становится катализатором, формирующим устойчивую установку на «выход». При этом важно учитывать: предсказуемость будущего не может быть обеспечена исключительно институциональными реформами. Часть факторов неопределенности, например геополитическая напряженность, риски глобальных конфликтов и природных катаклизмов, носит экзогенный характер и находится вне зоны контроля любого национального правительства. Поэтому восстановление доверия не следует понимать как избавление от всех рисков – подобное невозможно. Речь идет об их дифференциации: институты могут и должны снижать эндогенную неопределенность (произвольность правоприменения, непрозрачность правил), даже если экзогенная остается неустранимой. Именно в такой дифференциации, а не в абстрактном обещании «предсказуемости», заключается реалистичная стратегия сохранения человеческого капитала.

Методический дизайн и операционализация теоретических конструкторов

Методический дизайн исследования ориентирован на анализ кризиса субъектности молодежи в условиях разрыва социального контракта с целью выявить детерминанты, определяющие трансформацию жизненных стратегий молодых специалистов от «верности» системе к поиску альтернативных пространств реализации в ситуации институциональной неопределенности.

Под «верностью системе» здесь понимается не эмоциональная лояльность, а инструментальная стратегия: субъект инвестирует ресурсы в ожидании предсказуемой институциональной отдачи – гарантированного трудоустройства, жилья, социального лифта. Эта стратегия доминировала в советской модели контракта, где государство выступало монопольным гарантом успеха. В постсоветский период формальные гарантии исчезли, а новые механизмы не стали предсказуемыми из-за коррупции и произвольности правоприменения. Предметом настоящего исследования является не «утрата верности» как психологический сдвиг, а кризис инструментальной рациональности: стратегия «верности» перестала быть экономически рациональной, что порождает поиск альтернатив как внутри страны (неформальные сети, самозанятость), так и за ее пределами (эмиграция, удаленная занятость).

Эмпирическую базу составили данные социологического опроса, проведенного в 2025 г. среди студентов выпускных курсов шести крупнейших вузов г. Екатеринбурга: УрФУ, УрГЭУ, УГГУ, УрГПУ, УГЛТУ, УрГУПС¹. Всего методом личного анкетирования было опрошено 1188 чел. Выбор метода определялся необходимостью получить развернутые ответы на полуоткрытые вопросы, которые затем планировалось подвергнуть контент-анализу для фиксации уникальных суждений молодых людей о характере их восприятия государственных институтов, а также эмпирически определить наличие, формы выражения и факторы возможного отчуждения. Отбор респондентов велся с применением квотной выборки, репрезентативной по полу, возрасту и уровню обучения.

Исходные теоретические конструкты были операционализированы в систему эмпирических индикаторов:

1. Стратегия «выхода» измерялась через миграционные намерения выпускников (планы на обучение и трудоустройство за рубежом), трактуемые как акт реализации индивидуальной агентности в условиях «неработающего» контракта.

2. Стратегия «голоса» эмпирически интерпретировалась как активная артикуляция интересов и форма обратной связи с государством; данный конструкт измерялся через два блока индикаторов: а) запрос на институциональную подотчетность и прозрачность власти, б) артикуляция социальных ожиданий (оценка зон ответственности государства и требования к качеству социальной политики).

3. Стратегия «верности» фиксировалась через готовность выпускников к профессиональной интеграции в государственный сектор и их привязанность к «семейным якорям» (социальный капитал), подменяющим государственные институты в качестве страхового механизма.

4. Стратегия «латентной адаптации», трактуемая нами как «стратегия замирания» или «отложенного действия» в ответ на невозможность долгосрочного планирования, изучалась через показатели институционального недоверия и высокого уровня неопределенности («не знаю»).

Структура полученной выборочной совокупности отражала ключевые сегменты генеральной совокупности студентов:

- гендерный состав: женщины – 58,9% (700 чел.), мужчины – 41,1% (488 чел.);
- уровень обучения: бакалавриат – 74,2% (882 чел.), магистратура – 15,6% (185 чел.), специалитет – 10,2% (121 чел.);
- возрастные группы: 20–21 год – 34,9%; 22–23 года – 36%; 24 года и старше – 29,1%.

¹ Уральский федеральный университет, Уральский государственный экономический университет, Уральский государственный гуманитарный университет, Уральский государственный педагогический университет, Уральский государственный лесотехнический университет, Уральский государственный университет путей сообщения.

Разработанный специально для этого исследования методический инструментарий позволил определить, как накопленный образовательный и социальный капитал влияет на выбор стратегии выживания в условиях, когда классические инструменты социального контракта перестают быть регуляторами жизненных планов.

Патерналистский профиль ожиданий и дефицит институционального доверия в молодежной среде

Исследование зафиксировало глубокую деформацию системы взаимных ожиданий молодежи и государства. Полученные данные позволяют структурировать механизм формирования «разбитых мечтаний» по логической схеме «ожидания – реальность (институциональный барьер) – стратегия адаптации (агентность)».

Содержание социального контракта. Ответы на вопрос о мерах по повышению комфорта жизни демонстрируют не столько запрос на развитие рыночной среды, сколько требование прямого патерналистского вмешательства (табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Мотивационный профиль и факторы удержания
(% от общего числа ответов в группе)
Motivational profile and retention factors
(% of total responses in the group)

Фактор удержания (Q16)	Госсектор («лоялисты»)	Частный сектор («прагматики»)
Привязанность к семье	26	38
Чувство патриотизма	18	10
Достойная зарплата	12	9
Жилищный вопрос	11	15

Источник: здесь и далее составлено авторами на основе данных исследования.

Данные показывают фундаментальное расхождение между двумя категориями будущих специалистов: для «лоялистов», выбирающих госсектор, удерживающим фактором чаще выступает «чувство патриотизма» (18%), тогда как для «прагматиков», ориентированных на частный сектор, – личный социальный капитал (семья) и материальные условия. Это подтверждает гипотезу: лояльность к государственному сектору в значительной степени детерминирована идеологическими установками, которые выступают «компенсатором» неконкурентных условий труда. В свою очередь частный сектор воспринимается как пространство для реализации субъектности. Впрочем, подобные установки могут свидетельствовать и о социальной неподготовленности завтрашних выпускников, идеализирующих корпоративную среду, где требования к институциональной лояльности зачастую еще жестче.

Институциональная дисфункция как барьер планирования.

Разрыв контракта проявляется в том, что государство воспринимается как «должник», не выполняющий обязательств по обеспечению «социального старта». Особого внимания заслуживает статистическая связь между уровнем образовательного капитала и критичностью восприятия системы. Расчет коэффициента V Крамера (0,092 при $p < 0,05$) подтверждает: магистранты, обладающие более высоким уровнем рефлексии, острее воспринимают расхождение между декларируемыми государством социальными гарантиями и реальными неформальными практиками (в частности, зависимостью карьерного старта не от личных компетенций, а от «блата», кумовства и иных форм нематериальной коррупции), что ведет к эрозии институционального доверия.

Для проверки гипотезы о «системности» кризиса мы сравнили ответы в разных возрастных когортах (табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Профиль предпочтений по возрасту и полу (% от группы)
Age and gender preference profile (% of group)

Возрастная когорта, лет	Госсектор (лояльность)	Частный сектор (прагматизм)	«Дезориентированные» (не знаю)
20–21	9,8	45,2	45,0
22–23	11,2	43,1	45,7
24 и старше	12,5	41,8	45,7

Анализ выявил *возрастную гомогенность*. Во всех группах готовность работать в госсекторе остается критически низкой – менее 13%. Отсутствие статистически значимых различий в ответах доказывает, что кризис доверия является для поколения Z системным феноменом, а не временным состоянием «юношеского максимализма».

Стратегии адаптации: от «замирания» к «выходу». Анализ реакций студентов на разрыв контракта позволил выявить довольно большую долю молодых людей с неопределенными планами (до 45%), что, согласно модели EVLN, интерпретируется не как пассивность, а как *стратегия латентной адаптации*, или «замирания».

Таблица 3 (Table 3)

Кризис горизонта планирования (допускался множественный выбор, % от группы)
Crisis of planning horizons (multiple responses allowed; % of group)

Ожидания от поиска работы	В России	За рубежом	«Дезориентированные» («не знаю»)	Итого
Уверенные (найду сразу)	78	16	6	100
Осторожные (потребуется время)	71	24	5	100
Пессимисты (искать долго)	63	28	9	100
Кризис (ответ «не знаю»)	62	13	25	100

Группа «дезориентированных» (25%) находится в состоянии *институциональной фрустрации*. Неспособность связать свои профессиональные ожидания с конкретной географией – это не отсутствие амбиций, а защитная реакция на невозможность долгосрочного планирования. В условиях, когда «легальные каналы» («голос») недоступны или сопряжены с рисками, эта группа демонстрирует стратегию «латентной адаптации»: человек физически остается в системе, но внутренне совершает разрыв, прекращая качественное воспроизводство институтов.

В целях более глубокого изучения факторов «выталкивания» был проведен контент-анализ ответов на полуоткрытые вопросы (альтернатива «Другое»). Для обеспечения сопоставимости суждения мы объединили их в пять семантических кластеров: экономический (зарплаты, перспективы), политико-правовой (геополитика, коррупция, права), образовательно-профессиональный (стажировки, опыт), инфраструктурно-средовой (климат, медицина, жилье) и личностный. Единицей счета выступало упоминание смыслового концепта в ответе респондента.

По итогам анализа были выделены семантические доминанты, обнаруживающие глубинный конфликт между ожиданиями молодежи и реальностью.

1. В ответах студентов доминируют лексемы, связанные с «недостатком правового государства», «отсутствием политической конкуренции» и «риском неправомерных действий»¹. Это свидетельствует о том, что для значительной их части комфорт и безопасность невозможны без институциональных правовых гарантий. Молодежь артикулирует запрос на верховенство права как необходимое условие личной субъектности.

2. Лексемы «завершение СВО», «отмена призыва» и «нестабильность» маркируют геополитическую повестку как главный барьер для долгосрочного планирования. В контексте разрыва социального контракта спецоперация выступает масштабным экзогенным фактором неопределенности, находящимся вне прямого контроля региональных (а в значительной степени и федеральных) институтов, но при этом существенно корректирующим реализацию личных стратегий и создающим экзистенциальный риск для жизни.

3. Суждения о «стабильности курса валюты», «реальном импортозамещении» и «регуляции цен» показывают, что инфляционные риски и непредсказуемость экономического поля рассматриваются как дестабилизаторы, препятствующие нормализации жизни. Вузовская молодежь, демонстрируя экономический прагматизм, фиксирует разрыв между официальной риторикой об «открывающихся возможностях» и собственным опытом столкновения с ценовым давлением.

¹ Следует оговориться: подобные формулировки во многом являются ретрансляцией медийных штампов, усвоенных через социальные сети и блогосферу, тем не менее они четко фиксируют субъективное восприятие социальной реальности.

Выявленные тенденции подтверждают тезис о трансформации жизненных планов в направлении от стратегии развития к стратегии выживания. Если распределение ответов на закрытые вопросы устанавливает факт недоверия, то контент-анализ текстовых данных позволяет определить его структуру: недоверие вызвано не абстрактной «политикой», а конкретным воздействием геополитических и правовых факторов на индивидуальную траекторию жизни. Для части студентов риск мобилизации или правовой незащищенности становится решающим аргументом в пользу реализации стратегии «выхода» или «латентной адаптации». Вместе с тем следует учитывать, что для другой части молодежи решение об участии в военных действиях (в том числе добровольном) обусловлено не инструментальным расчетом, а ценностными ориентациями, что выводит эту группу за пределы рассматриваемой нами модели рационального выбора.

Эмиграция («выход») для современного выпускника перестает быть актом деполитизации. Однако квалифицировать ее как «рациональное политическое решение» можно лишь с существенными оговорками. Ожидания, которые государство, по мнению студентов екатеринбургских вузов, игнорирует, конкретизируются в их нарративах как запрос на предсказуемость правовых норм (включая гарантии неприкосновенности личности и собственности), прозрачность социальных и карьерных лифтов, а также на институциональную защиту от произвольных административных решений. Игнорирование же выражается в отсутствии видимых изменений институциональной среды, несмотря на артикуляцию этих запросов в публичном пространстве.

Наконец, важно подчеркнуть, что стратегия безопасности, избираемая студенческой молодежью, не гарантирует достижения заявленной цели. В условиях глобальной геополитической нестабильности любая страна-реципиент может столкнуться с аналогичными кризисными сценариями, в связи с чем «выход» следует рассматривать не в качестве безусловного решения проблемы, а как попытку снизить текущие риски при сохранении фундаментальной неопределенности долгосрочного горизонта. Это обстоятельство, впрочем, не отменяет самого факта эмиграционного давления: независимо от объективной эффективности выбранной стратегии, сам по себе отток молодых специалистов ведет к истощению человеческого капитала страны-донора.

Интерпретация стратегий адаптации: от «разбитых мечтаний» к латентной адаптации

Полученные данные позволяют интерпретировать состояние студенческой среды г. Екатеринбурга не как совокупность отдельных мнений, а как индикатор возможного кризиса социального контракта в данной социально-демографической группе. Однако следует помнить: на представленных выводах неизбежно сказываются особенности выборки (городская образованная молодежь космополитичного мегаполиса), а потому требу-

ется их верификация на общероссийских данных. Кроме того, транслируемые установки могут формироваться опосредованно – через семью, круг общения и медиасреду, что ограничивает каузальную интерпретацию. Выпускники вузов указывают на острый конфликт между патерналистской риторикой государства и институциональной реальностью, в которой ключевые социально-бытовые запросы (доступное жилье, карьера) остаются нереализованными.

Проведенный анализ дает основания трактовать состояние относительной депривации как системный сбой. По Р. Мертону и Т. Гарру, депривация возникает при невозможности реализовать ценностные ожидания [14; 7]. Согласно полученным нами данным 78,9% молодых людей артикулируют запрос на доступное жилье, считая его центральным элементом своей «мечты» о старте, но институциональная среда видится им закрытой. Указание 27,5% завтрашних выпускников на коррупцию как фактор «выталкивания» подтверждает, что депривация носит институциональный характер: молодежь хочет не просто «благ», а легальных механизмов их получения, отсутствие которых делает стратегию развития невозможной.

Наш вывод согласуется с результатами, полученными А. Ю. Арестовым [2]: когда государство, обладая патерналистским имиджем, не выполняет функцию гаранта доступного старта, возникает «разбитая мечта», трансформирующаяся в политический риск. Данные табл. 4 наглядно демонстрируют этот разрыв: «точка кипения» (жилье) встречается с «непрозрачностью» (коррупция), что блокирует профессиональную самореализацию.

Таблица 4 (Table 4)

Соотношение патерналистских ожиданий и факторов депривации
(% от ответов, допускался множественный выбор)
Correlation between paternalistic expectations and deprivation factors
(% of responses, multiple responses allowed)

Категория запроса (ожидания)		Фактор «выталкивания» (реальность)	
Дешевое жилье	78,9	Низкая оплата труда	48,1
Соцобеспечение и медицина	49,0	Коррупция и кумовство	27,5
Чистая окружающая среда	30,5	Нестабильная геополитика	30,4

Интерпретация миграционных планов через модель А. Хиршмана позволяет увидеть специфику адаптации, которую мы предлагаем определять не как «пренебрежение», а как «стратегию латентной адаптации». Аномально высокая доля неопределившихся (34,7% – относительно обучения, 21,5% – относительно работы) свидетельствует о «стратегии замирания».

Если рассматривать приводимые данные с позиции расширенной модели EVLN, то они свидетельствуют не о пассивной аполитичности, а об осознанном отказе от легитимации системы. Классический «голос» (активный протест) требует веры в эффективность институтов, а «латентная адаптация» – это стратегия, при которой молодежь не разрывает связи

с государством физически, но отчуждается от него психологически, не видя смысла в диалоге. В условиях, когда коррупция блокирует стратегию «верности», лояльность не конвертируется в успех. Вместе с тем высокая доля ответов «не знаю» (табл. 5) допускает и альтернативную интерпретацию: она может указывать как на «расторжении контракта», так и на изначальное отсутствие в сознании студентов самой модели контрактных отношений с государством. Иными словами, «не знаю» может отражать не столько сознательный отказ от легитимации, сколько несформированность запроса на диалог как такового, поскольку государство не воспринимается в качестве стороны, с которой возможен или необходим контракт. В этом случае корректнее говорить не о «разрыве», а о семантической пустоте в восприятии отношений «личность – государство». Обе интерпретации (разрыв и отсутствие контракта) эмпирически неразличимы на основе данных закрытых вопросов, однако в обоих случаях фиксируется главное: отсутствие позитивных ожиданий от взаимодействия с институтами, что само по себе является значимым результатом.

Таблица 5 (Table 5)

Структура стратегий адаптации выпускников (% от ответов)
Structure of graduates' adaptation strategies (% of responses)

Стратегия (по А. Хиршману / С. Расторгуеву)	Индикатор	
Верность	Планируют работать в России	72,0
Выход	Планируют работать в другой стране	6,6
Пренебрежение	Ответ «не знаю» о месте работы	21,5
Голос	Требование дешевого жилья	78,9

Примечание. Сумма превышает 100%, так как стратегии могут пересекаться.

Анализ удерживающих факторов вскрывает парадокс институционального доверия: главным «якорем» выступает не государственная политика, а «привязанность к семье и друзьям» (77,0%). П. Штомпка трактует доверие как продукт истории и прозрачности [26]. В российских условиях мы наблюдаем дефицит институционального доверия, который компенсируется «горизонтальной самоорганизацией» внутри малых групп («мы-групп»), что подтверждается результатами нашего исследования. Выпускники демонстрируют высокую лояльность социальному капиталу, но крайне низкую готовность интегрироваться в госсектор (11,3%). Это доказывает, что государство с его вовлеченностью воспринимается как внешняя, часто враждебная сила, а не как партнер. «Верность» молодежи стране держится на частных связях. Если эти связи будут ослаблены или «выход» станет экономически более выгодным (табл. 6), институциональное недоверие превратит миграционные намерения в реальный отток молодых специалистов из региона.

Таблица 6 (Table 6)

Иерархия факторов «верности» и «выталкивания»

Hierarchy of "loyalty" and "push-out" factors

Удерживающие факторы	Количество	Факторы недоверия / выталкивания	Количество
Привязанность к семье/друзьям	915	Высокая зарплата за рубежом	572
Жилищный вопрос решен	406	Нестабильная геополитика	361
Чувство патриотизма	343	Коррупция и кумовство	327
Возможность найти работу	260	Плохая экономика в России	397

В глазах молодежи вовлеченность государства носит декларативный характер. По сути, молодые люди оказываются в «патерналистской ловушке»: они ждут от государства поддержки, но из-за коррупции и нестабильности не доверяют ему. Это формирует состояние относительной депривации, где единственным надежным ресурсом остается семья. Государство проигрывает конкуренцию за доверие, что делает социальный контракт крайне хрупким и зависимым от внешних потрясений. Для сохранения человеческого капитала необходим переход от идеологической риторики к прагматическому обеспечению предсказуемости и созданию «безопасного горизонта», при котором легальные механизмы (а не коррупционные «мы-группы») будут гарантировать успех.

Выводы

Проведенное исследование миграционных планов и ценностных ориентаций выпускников вузов г. Екатеринбурга позволило сформулировать ряд выводов, раскрывающих наличие глубокой институциональной дисфункции и разрыва социального контракта.

1. Полученные данные фиксируют острое состояние относительной депривации в студенческой среде г. Екатеринбурга, вызванное не столько экономическими причинами, сколько *институциональным разрывом*. Запрос на патернализм (78,9% ожидают от властей решения жилищного вопроса) сталкивается с «организованной безответственностью» институтов. В сознании молодых людей государство перестало выполнять функцию гаранта «социального старта», превратившись, напротив, в структуру, создающую барьеры (коррупция, кумовство). Это ведет к «разбиванию мечты» и осознанию того, что институциональные правила игры непрозрачны, а значит, долгосрочное планирование жизни внутри страны невозможно.

2. Привлечение для анализа модели А. Хиршмана выявило, что классическая «верность» государству сегодня носит вынужденный и крайне хрупкий характер. Высокий уровень неопределенности (до 45% в отдельных группах) говорит не об аполитичности молодежи, а о реализации ею *стратегии «латентной адаптации»*, или «отложенного действия».

Это осознанная форма отчуждения, при которой человек, не имея возможности повлиять на систему через «голос», временно сохраняет лояльность, но перестает инвестировать свои таланты в развитие государственных институтов, рассматривая их как временный ресурс или поле рисков.

3. Выявлен парадокс распределения социального капитала: при глубоком кризисе доверия к государству главным «удерживающим фактором» для студенческой молодежи остается «привязанность к семье и друзьям» (77,0%). Семья фактически выполняет роль «частного буфера», страхующего риски и обеспечивающего безопасность, которую не гарантирует государство. Однако эта модель «оседлости» крайне нестабильна: она держится на межличностных связях, а не на эффективности институтов. При ослаблении данного «буфера» или изменении внешних условий, «латентная адаптация» мгновенно превратится в активный «выход» (миграцию).

4. Доказано, что эмиграция сегодня есть не бегство от проблем, а *рациональный акт реализации политической субъектности* (агентности). Студенты с высоким уровнем академической успеваемости и накопленным социальным капиталом чаще демонстрируют склонность к выбору опции «выход» как способу защитить свой личный горизонт планирования. Это свидетельствует о риске «негативной селекции»: государство сохраняет лояльность менее ресурсных групп, в то время как потенциал развития покидает страну или уходит во внутреннюю эмиграцию.

Для восстановления социального контракта в рамках молодежной политики необходимо сместить акценты с идеологического контура на *обеспечение прагматической предсказуемости*. Ключевыми мерами должны стать:

- запуск прозрачных механизмов «социального лифта», отвечающих на запрос о доступном жилье как базе для долгосрочного планирования;
- демонтаж институциональных барьеров, связанных с нематериальной коррупцией (в первую очередь непотизмом и клиентелизмом), которые подменяют прозрачные правила игры теневой лояльностью и блокируют меритократический отбор;
- развитие каналов реальной обратной связи («голоса»), а также системная информационно-воспитательная работа, направленная на демифологизацию медийных стереотипов о «западном благополучии» и формирование реалистичных карьерных ожиданий, адекватных текущему состоянию рынка труда.

Без восстановления фундамента институционального доверия вовлеченность государства будет оставаться декларативной, а человеческий капитал выпускников – ориентированным либо на внешние рынки, либо на «стратегию замирания», что в долгосрочной перспективе лишает страну возможности для модернизационного рывка.

Библиографический список

1. Алейников А. В., Мальцева Д. А., Тузова П. Р. Аудит экосистемы молодежной политики в Российской Федерации в условиях цифровизации: риск-рефлексивный подход (часть 1) // ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19. № 1. С. 133–144. DOI: 10.21638/spbu23.2023.109; EDN: GHAIUE.
2. Арестов А. Ю. Качество жизни граждан как фактор политических рисков // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 1. С. 38–42. DOI: 10.24158/per.2024.1.4; EDN: MZEQJS.
3. Бляхер Л. Е., Ковалевский А. В. Что это было? (Предварительная рефлексия о хабаровских митингах) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2020. № 4. С. 108–136. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-99-4-108-136; EDN: VDPFJH.
4. Веселов Ю. В., Скворцов Н. Г. Трансформация культуры доверия в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 157–179. DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2212; EDN: BGVQNQ.
5. Воеводина Е. В., Шихгафизов П. Ш., Штепа С. Е. Методологические принципы деятельностно-феноменологического подхода в изучении социальных механизмов формирования доверия в трансформирующихся экономических отношениях // Социально-политические науки. 2022. Т. 12. № 4. С. 55–62. DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-4-55-62; EDN: UFFDST.
6. Войник А. А., Снегур М. Р. Мотивы участия молодежи в несанкционированных протестных акциях // Вестник СПбГУ. Социология. 2023. Т. 16. № 3. С. 259–277. DOI: 10.21638/spbu12.2023.302; EDN: EUQIJG.
7. Гарр Т. Р. Почему люди бунтуют / Пер. с англ. В. В. Афанасьева. СПб.: Питер, 2005. 461 с.
8. Герасимова Г. И. Феномен доверия в социальном управлении: теоретический аспект // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6(182). С. 26–32. DOI: 10.24158/tipor.2023.6.2; EDN: AZCIAA.
9. Давыдова М. А. Протестная активность и акторы политической мобилизации в социальных медиа Республики Казахстан в январе 2022 года // Среднерусский вестник общественных наук. 2024. Т. 19. № 4. С. 141–159. DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-4-141-159; EDN: RRXGTP.
10. Казанцев Д. А., Асеев С. Ю. Анализ социальных сетей молодежных политических организаций Новосибирской области и Алтайского края // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21. № 1. С. 64–85. DOI: 10.31429/26190567-21-1-64-85; EDN: DVMKSS.
11. Константинов М. С., Поцелуев С. П. Эмиграционные установки студенческой молодежи Юга России // Социодинамика. 2022. № 12. С. 40–58. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.12.39071; EDN: VDLXOG.

12. Леньков Р. В., Колосова О. А., Ковалева С. В. Социально-психологическая диагностика и прогнозирование протестного поведения молодежи в цифровой среде // Цифровая социология. 2021. Т. 4. № 1. С. 31–41. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-1-31-41; EDN: YQQGVH.

13. Линченко А. А., Смылова О. Ю. Стратегии формирования культуры доверия в условиях цифровизации общества: социально-философский анализ // Вестник ТГУ. 2023. № 493. С. 103–111. DOI: 10.17223/15617793/493/12; EDN: MCHHNK.

14. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е. Н. Егоровой и др. М.: АСТ; Хранитель, 2006. 873 с.

15. Мухаметов Р. Почему граждане доверяют правительству? Истоки политического доверия в современной России // Социологическое обозрение. 2023. Т. 22. № 3. С. 196–218. DOI: 10.17323/1728-192x-2023-3-196-218; EDN: RKLLDA.

16. Огнев А. С., Бродовская Е. В., Давыдова М. А. Выделение триггеров усиления сетей социального недовольства в субъектах РФ // Власть. 2022. Т. 30. № 5. С. 98–106. DOI: 10.31171/vlast.v30i5.9244; EDN: NLCEAS.

17. Парма Р. В. Современная трактовка политического радикализма в гражданской активности // Гуманитарные науки. Вестник Финун-та. 2022. Т. 12. № 2. С. 53–60. DOI: 0.26794/2226-7867-2022-12-2-53-60; EDN: BCCQBO.

18. Парма Р. В. Теоретические основания формирования социального недовольства // Власть. 2023. Т. 31. № 1. С. 116–123. DOI: 10.31171/vlast.v31i1.9472; EDN: TJBBIW.

19. Пушкарева Г. В., Сычев В. В. Политическое институциональное доверие в российском обществе // Государственное управление. 2023. № 100. С. 142–154. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-100-142-154; EDN: SXFCYO.

20. Расторгуев С. В. Проблематизация исследовательского поля поколения Z // Власть. 2022. Т. 30. № 5. С. 118–123. DOI: 10.31171/vlast.v30i5.9247; EDN: QVLASV.

21. Смирнов В. А. Доверие общественно-политическим институтам: сравнительный анализ оценок молодежи «старых» и «новых» российских регионов // Вестник РУДН. Политология. 2025. Т. 27. № 2. С. 330–340. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-2-330-340; EDN: IOOJTN.

22. Татарко А. Н., Муха В. Н. Ценностный базис институционального и социального доверия в Краснодарском крае // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 1(18). С. 83–99. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_83_99; EDN: HECQTH.

23. Тощенко Ж. Т. Судьбы общественного договора в России: эволюция идей и уроки реализации. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. 844 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-00258-037-8.2024; EDN: LXHNHK.

24. Хиршман А. О. Выход, голос и верность: Реакции на упадок фирм, организаций и государств / Под ред. Г. И. Сапова. М.: Новое изд-во, 2009. 156 с.

25. Чернышёва Н. С., Чжан Юйсинь. Молодежная миграция в России: обзор дискуссий // Социологические исследования. 2022. № 11. С. 135–143. DOI: 10.31857/S013216250018919-3; EDN: WBSGOO.

26. Штомпка П. Доверие – основа общества / Пер. с пол. Н. В. Морозовой. М.: Логос, 2014. 440 с.

27. Юрасов И. А., Бондаренко В. В. и др. Парадоксальные формы проявления институционального социального доверия в российских регионах: коррупция и теневая занятость как формы социального доверия // Регионоведение. 2023. Т. 31. № 4(125). С. 733–753. DOI: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.733-753; EDN: VJCYJI.

28. Bahar L. C. Refining Albert O. Hirschman's Model: High-Performance Employee Covert Behavior Toward Organizational Identity Change. Diss. Malibu, Pepperdine University, 2025. 176 p.

29. Kutlay M., Öniş Z. Governance crises and resilience of authoritarian populism: 2023 Turkish elections from the perspective of Hirschman's "exit, voice, and loyalty" // Southeast European and Black Sea Studies. 2024. Vol. 24, No. 2. P. 383–403. DOI: 10.1080/14683857.2024.2315652.

Получено редакцией: 2.03.26

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Зайцева Екатерина Васильевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления

Бритвина Ирина Борисовна, доктор социологических наук, профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга

DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.3

Life strategies of university students in Yekaterinburg as a reflection of a crisis in the social contract

Ekaterina V. Zaitseva

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

e.v.zaitceva@urfu.ru

ORCID: 0000-0003-2112-3029

Irina B. Britvina

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

irina.britvina@urfu.ru

ORCID: 0000-0003-2862-4408

For citation: Zaitseva E. V., Britvina I. B. Life strategies of university students in Yekaterinburg as a reflection of a crisis in the social contract. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 3. P. 40–61. DOI: 10.19181/vis.2026.17.3.3; EDN: RWHJSE.

Abstract This article examines a crisis of agency among university students amid the transformation of the social contract. The study's relevance stems from the growing tension between students' paternalistic expectations and institutional dysfunction, which precipitates a crisis of agency among future university graduates in Yekaterinburg, one of Russia's major economic and cultural centers. The study aims to determine how students' life strategies (migration, latent adaptation, and "loyalty" to the system) are transformed under conditions of institutional uncertainty and geopolitical risk. The theoretical framework draws on R. Merton's and T. Gurr's approaches to relative deprivation, the exit–voice–loyalty–neglect (EVLN) framework developed from A. Hirschman's exit–voice–loyalty model, and P. Sztompka's theory of institutional trust. The empirical analysis draws on a 2025 survey of university students ($n = 1,188$). The analysis identified a strategy of "latent adaptation" (a strategy of deferred action) characteristic of a substantial proportion of undecided young people. The findings demonstrate that the gap between young people's paternalistic expectations and institutional capacities arises from a mismatch between entrenched traditions of socialization and the contemporary market environment, rather than from institutional dysfunction alone. Under these conditions, "loyalty" to the system ceases to be a value-based orientation and instead becomes a manifestation of a crisis of instrumental rationality: when young people cannot use lawful channels for exercising influence ("voice"), they opt for "exit" or "latent adaptation." The study's original contribution lies in differentiating between endogenous risks (associated with the application of law and corruption) and exogenous risks that affect young professionals' planning horizons. The article concludes that restoring trust requires reducing endogenous uncertainty in the institutional environment rather than increasing the number of formal programs.

Keywords: youth, social contract, paternalistic expectations, life strategies, instrumental rationality, endogenous and exogenous uncertainty, migration attitudes

References

1. Aleynikov A. V., Maltseva D. A., Tuzova P. R. Audit of the youth policy ecosystem in the Russian Federation under digitalization: a risk-reflexive approach (part 1). *POLITEKS*, 2023: 19: 133–144 (in Russ.). DOI: 10.21638/spbu23.2023.109; EDN: GHAIUE.
2. Arestov A. Yu. Quality of life of citizens as a factor of political risks. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*, 2024: 1: 38–42 (in Russ.). DOI: 10.24158/pep.2024.1.4; EDN: MZEQJS.
3. Bliakher L. E., Kovalevsky A. V. What was it? (Preliminary reflection on the Khabarovsk rallies). *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, 2020: 4: 108–136 (in Russ.). DOI: 10.30570/2078-5089-2020-99-4-108-136; EDN: VDPFJH.
4. Veselov Yu. V., Skvortsov N. G. Transformation of the culture of trust in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2023: 1: 157–179 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2023.1.2212; EDN: BGVQNN.
5. Voevodina E. V., Shikhgafizov P. Sh., Shtepa S. E. Methodological principles of the activity-phenomenological approach in studying social mechanisms of trust formation in transforming economic relations. *Sotsialno-politicheskie nauki*, 2022: 12: 4: 55–62 (in Russ.). DOI: 10.33693/2223-0092-2022-12-4-55-62; EDN: UFFDST.
6. Voinik A. A., Snegur M. R. Motives for participation of youth in unauthorized protest actions. *Vestnik SPbGU. Sotsiologiya*, 2023: 166: 3: 259–277 (in Russ.). DOI: 10.21638/spbu12.2023.302; EDN: EUQIJG.
7. Gurr T. R. *Why Men Rebel*. Transl. from Eng. by V. V. Afanasyev. St. Petersburg, Piter, 2005: 461 (in Russ.).
8. Gerasimova G. I. The phenomenon of trust in social management: a theoretical aspect. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2023: 6(182): 26–32 (in Russ.). DOI: 10.24158/tipor.2023.6.2; EDN: AZCIAA.
9. Davydova M. A. Protest activity and actors of political mobilization in social media of the Republic of Kazakhstan in January 2022. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*, 2024: 19: 4: 141–159 (in Russ.). DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-4-141-159; EDN: RRXGTP.
10. Kazantsev D. A., Aseev S. Yu. Social Network Analysis of Youth Political Organizations of Novosibirsk Oblast and Altai krai. 2020. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsialnykh nauk*, 2020: 21: 1: 64–85 (in Russ.). DOI: 10.31429/26190567-21-1-64-85; EDN: DVMKSS.
11. Konstantinov M. S., Potseluev S. P. Emigration attitudes of student youth in the South of Russia. *Sotsiodinamika*, 2022: 12: 40–58 (in Russ.). DOI: 10.25136/2409-7144.2022.12.39071; EDN: VDLXOG.
12. Len'kov R. V., Kolosova O. A., Kovaleva S. V. Socio-psychological diagnostics and forecasting of protest behavior of youth in the digital environment. *Tsifrovaya sotsiologiya*, 2021: 4: 1: 31–41 (in Russ.). DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-1-31-41; EDN: YQQGVH.

13. Linchenko A. A., Smyslova O. Yu. Strategies for building a culture of trust in the context of the society's digitalization: a social and philosophical analysis. *Vestnik TGU*, 2023: 493: 103–111 (in Russ.). DOI: 10.17223/15617793/493/12; EDN: MCHHNK.
14. Merton R. K. Social Theory and Social Structure. Transl. from Eng. by E. N. Egorova et al. Moscow, AST, Khranitel, 2006: 873 (in Russ.).
15. Mukhametov R. Why do citizens trust the government? Origins of political trust in modern Russia. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2023: 22: 3: 196–218 (in Russ.). DOI: 10.17323/1728-192x-2023-3-196-218; EDN: RKLLDA.
16. Ognev A. S., Brodovskaya E. V., Davydova M. A. Identification of triggers for strengthening social discontent networks in the constituent entities of the Russian Federation. *Vlast'*, 2022: 30: 5: 98–106 (in Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v30i5.9244; EDN: NLCEAS.
17. Parma R. V. Contemporary interpretation of political radicalism in civic activity. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finun-ta*, 2022: 12: 2: 53–60 (in Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-2-53-60; EDN: BCCQBO.
18. Parma R. V. Theoretical basis for the formation of social discontent. *Vlast'*, 2023: 31: 1: 116–123 (in Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v31i1.9472; EDN: TJBBIW.
19. Pushkareva G. V., Sychev V. V. Political institutional trust in Russian society. *Gosudarstvennoe upravlenie*, 2023: 100: 142–154 (in Russ.). DOI: 10.24412/2070-1381-2023-100-142-154; EDN: SXFCYO.
20. Rastorguev S. V. Problematization of the generation Z research field. *Vlast'*, 2022: 30: 5: 118–123 (in Russ.). DOI: 10.31171/vlast.v30i5.9247; EDN: QVLASV.
21. Smirnov V. A. Trust dynamics in socio-political institutions: a comparative analysis of perceptions among younger generations in old and new Russian regions. *Vestnik RUDN. Politologiya*, 2025: 27: 2: 330–340 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-2-330-340; EDN: IOOJTN.
22. Tatarko A. N., Mukha V. N. The value basis of institutional and social trust in the Krasnodar region. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, 2023: 1: 83–99 (in Russ.). DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_83_99; EDN: HECQTH.
23. Toshchenko Zh. T. The Fate of the Social Contract in Russia: The Evolution of Ideas and Lessons from Implementation. Moscow, FNISC RAS, 2025: 844 (in Russ.).
24. Hirschman A. O. Exit, Voice, and Loyalty: Responses to Decline in Firms, Organizations, and States. Ed. by G. I. Sapov. Moscow, Novoe izd-vo, 2009: 156 (in Russ.).
25. Chernysheva N. S., Zhang Yuxin. Approaches to the Studying Youth Migration in Russia: Reviewing Discussions. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022: 11: 135–143 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250018919-3; EDN: WBSGOO.
26. Sztompka P. Trust: A Sociological Theory. Transl. from Pol. by N. V. Morozova. Moscow, Logos, 2014: 440 (in Russ.).
27. Yurasov I. A., Bondarenko V. V. et al. Paradoxical manifestations of institutional social trust in Russian regions: corruption and shadow employment as types of social trust. *Regionologiya*, 2023: 31: 4(125): 733–753 (in Russ.). DOI: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.733-753; EDN: VJCYJI.
28. Bahar L. C. Refining Albert O. Hirschman's Model: High-Performance Employee Covert Behavior Toward Organizational Identity Change. Diss. Malibu, Pepperdine University, 2025: 176.
29. Kutlay M., Öniş Z. Governance crises and resilience of authoritarian populism: 2023 Turkish elections from the perspective of Hirschman's 'exit, voice, and loyalty'. *Southeast European and Black Sea Studies*, 2024: 24(2): 383–403. DOI: 10.1080/14683857.2024.2315652.

The article was submitted on: March 2, 2026

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina V. Zaitseva, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Theory, Methodology, and Legal Support of Public and Municipal Administration

Irina B. Britvina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Integrated Marketing Communications and Branding